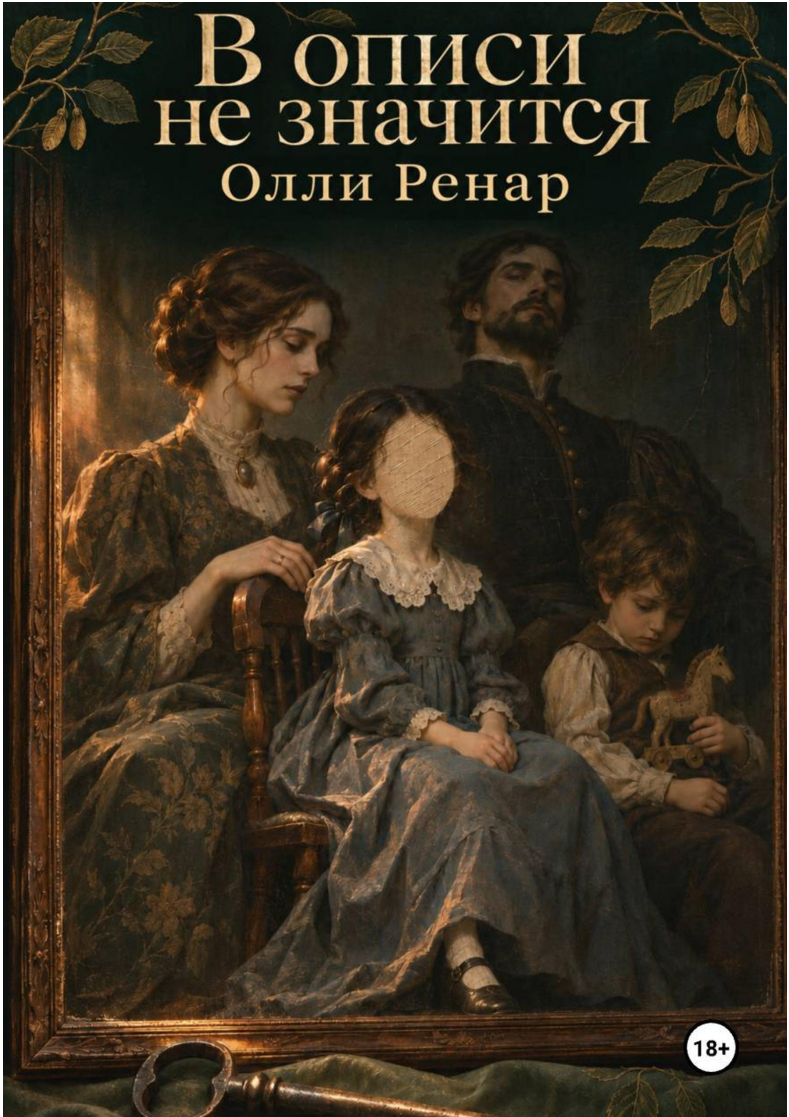
В описи не значится

Олли Ренар

18+

Олли Ренар

В описи не значится

https://litres.ru/75040262
SelfPub; 2026

Аннотация

Через шесть недель усадьбу Белый Вяз выставят на продажу. Эдит Сорель нанимает Морвен проверить опись семейного имущества. На бумагах стоит печать Палаты наследств, но Морвен по опыту знает, сколько всего может пропустить оценщик. А ещё она умеет чувствовать воспоминания, которые люди оставляют в вещах. Стоит ей взять ключ от главной двери, как пальцы сводит от холода и чей-то голос произносит три слова: «Мама, это я».

Содержание

Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Олли Ренар
В описи не значится

Пролог

Задолго до каменных мостов Сольвейка мастера Вельмара научились наделять повседневные вещи чарами.

Заклинания закрепляли в узорах ткани, насечках на металле и резьбе дверных косяков. Иногда над маленькой застёжкой трудились дольше, чем над всем плащом. На обороте вырезали порог родного дома, вплоть до щербины, о которую все спотыкались. На развилке путник расстёгивал плащ

и клал застёжку на ладонь. Стоило повернуться в сторону дома, как медь теплела.

В домах над кузницами ко дну колыбели привязывали оберег на льняном шнурке. Внизу кузнец бил молотом, на полке позвякивала посуда, а под детской щекой матрасик даже не вздрагивал. Если ребёнок просыпался и звал мать, его было слышно во всём доме.

Людские кузнецы работали рядом с эльфийскими резчиками, обменивались инструментами и спорили о способах закрепить чары. Случалось, застёжку носила уже внучка, а в семейной тетради всё ещё можно было прочесть, что написал о ней мастер для её бабушки.

С севера через долину текла река Тарна. Весной плотогоны связывали брёвна в плоты и сплавляли их к переправе. Из каменоломен Каменного кряжа, на северо-западе долины, возили тёсаный камень. Оттуда же доставляли руду для кузниц. С побережья шли повозки с солью. На востоке, под высокими вязами, оставались эльфийские поселения, откуда привозили резные шкатулки, тонкие полотна и инструменты, переходившие от мастера к мастеру.

У переправы на юге долины лодочники вытаскивали суда на берег. Рядом появились навесы для товара, постоялые дворы и первые постоянные мастерские. Здесь можно было починить колесо, найти проводника, обменять монеты и продать то, что не удалось сбыть выше по течению. Так вырос Сольвейк. Торговые семьи оплатили каменные мосты.

Западную протоку расширили и укрепили, превратив в Медный канал. На острове между ним и главным руслом теснились кузницы, переплётные мастерские, красильни и лавки. Вскоре его стали называть Островом Мастеров.

Город поднимался по обоим берегам. Над водой нависали дома со светлой штукатуркой и красными черепичными крышами. На северо-восточном холме строили просторнее: там хватало места для садов, широких лестниц и общественных зданий. Внизу спорили из-за платы за разгрузку и сушили бельё над узкими улицами. Потом пришла вода.

Тарна разрушила часть старых шлюзов и затопила низкие кварталы. Мастера сперва убирали инструменты с пола на верстаки. К вечеру за ними пришлось возвращаться на лодках. Со дворов уносило ящики, двери, бочки и мебель. Бумага разбухала в запертых сундуках. Чернила расплывались раньше, чем до записей успевали добраться.

Когда вода ушла, город долго разбирал то, что она оставила.

На одной набережной находили вещи, которые вода унесла с другой. Из речной грязи доставали ключи, семейные печати и обереги. Определить, кому они принадлежали, удавалось не всегда. Во многих находках чары всё ещё действовали.

В одном доме замок по-прежнему узнавал руку прежней хозяйки. Новым жильцам первую неделю приходилось забираться в кухонное окно.

Одна красильщица вернулась в свой квартал, когда с улиц уже сошла вода. Заборы унесло, переулок был завален чужими брёвнами. Она сняла с плаща застёжку и пошла туда, куда вело тепло. У канала пришлось свернуть, потом перелезть через опрокинутую телегу. У трёх каменных ступеней она остановилась. На краю верхней ступени темнела щербина. Женщина провела по ней пальцем, потом нащупала такую же на обороте застёжки. Красильщица села на верхнюю ступень. Теперь за спиной плескалась вода.

Оценщики, переплётчики и заклинатели печатей стали собираться за одним столом. Переплётчик осторожно разделял слипшиеся листы семейной книги. Если на полях проступал оттиск, заклинатель брал лупу, а оценщик разворачивал принесённую из доков вещь и искал на ней тот же знак. Иногда к вечеру удавалось вернуть находку хозяину. Остальные ждали на полках. Так начиналась Палата наследств.

Уцелевшие книги оставались в Палате. Из них и сложился её первый архив.

На Острове Мастеров застучали молотки, заработали лавки. В городе укрепили повреждённые шлюзы. На северо-восточном холме у Палаты устроили залы для оценки имущества и аукционов. Её печать подтверждала: вещь проверена, можно передавать новому хозяину.

За таким подтверждением стали приходить всё чаще.

Со временем торговые семьи начали соперничать за доступ к старым архивам. От найденного имени зависело на-

следство. От одной записи — цена дома или право продать реликвию. Архив рос, и вместе с ним укреплялось влияние тех, кому доверяли ключи от его шкафов. А старые вещи продолжали возвращаться.

Их доставали из подвалов, вытаскивали из-за стенных панелей, привозили из пустующих усадеб. Одним вещам требовалась простая починка. Другие брали только в перчатках и на ночь запирали в отдельных комнатах. Того, кто принёс такую вещь, подолгу расспрашивали, откуда она у него.

К тому времени Сольвейк снова вошёл в привычный ритм речной жизни. По Тарне шли суда к Южному заливу, на Рыночной площади разбирали товары, у Медного моста ругались возчики. На острове сохли свежие переплёты. В высоких окнах Палаты зажигали лампы, когда набережные уже погружались в сумерки.

На Медной набережной, напротив Острова Мастеров, над одной дверью покачивалась маленькая латунная вывеска: ключ и мотылёк.

В эту мастерскую приходили торговцы, прачки и состоятельные горожане. В руках у них почти всегда что-нибудь было.

Глава 1

Шкатулка никак не хотела играть девятую ноту. Первые восемь получались отменно. Крошечный латунный мотылёк на крышке расправлял крылышки, барабан прокручивался, и звучала мелодия, которую Морвен за это утро успела возненавидеть. Потом внутри что-то щёлкало, мотылёк складывал крылышки, будто ему было стыдно, и музыка обрывалась.

— Да что же такое! — возмутилась она, но шкатулка молчала.

На подоконнике рядом спал Кот, зарывшись носом в шерстяную шаль, которую Морвен оставила там с вечера. Из складок торчало ухо, и при каждом щелчке оно вздрагивало.

Морвен подвинула лампу поближе, взяла тонкие щипцы и снова склонилась над механизмом. Густые тёмно-каштановые волосы до плеч она кое-как собрала в низкий пучок. Несколько волнистых прядей уже выбились у шеи, а широкая серебристая прядь у левого виска лезла в глаза. Убирать её занятыми руками было неудобно. Морвен попробовала сдуть её. Без толку.

От яркого света она прищурилась. Под густыми тёмными бровями у неё были серо-зелёные глаза. Лицо чуть угловатое, с выразительными скулами и аккуратным прямым носом. На светлой оливковой коже рассыпались веснушки. Из-

под выбившихся волос выглядывал чуть заострённый кончик уха — такие уши ей достались от отца-эльфа.

По Медному мосту проехала телега. Морвен придержала крышку шкатулки и дождалась, пока стихнет грохот колёс — в уличном шуме легко было пропустить тихий щелчок механизма. Она нажала на рычажок: восемь нот, щелчок. На этот раз Морвен заметила, как тонкая пластинка у края барабана дрогнула и упёрлась в потемневший металл корпуса.

— Вот ты где, — пробормотала она.

Хватило одного осторожного движения щипцами. Пластинка встала на место. Морвен завела пружину, убрала инструмент и нажала на рычажок. Девятая нота прозвучала так просто, что ей захотелось рассмеяться. Мотылёк расправил оба крыла.

— Благодарю, — сказала она вслух и сняла правую перчатку, чтобы проверить край крышки. Подушечка пальца скользнула по тёплой латуни.

Мелькнул рукав в жёлтых цветах. Чей-то смех, близкий и немного запыхавшийся. Ощущение ладони, которую держат обеими руками. Морвен отдёрнула палец. Музыка продолжалась. Девушка отпустила крышку. В мастерской пахло горячим маслом, под пальцами снова был шершавый край верстака.

Ей захотелось услышать тот смех ещё раз. Она потянулась к крышке, но остановилась. Сама она слышала этот смех впервые. Как же по нему скучал тот, кто держал шкатулку

до неё.

Хозяин принёс шкатулку три дня назад, завернув в старую рубашку. Долго объяснял, как должна звучать мелодия, даже напел её. О предыдущем владельце Морвен не спрашивала.

Она натянула перчатку и аккуратно закрыла крышку. В тетрадь, которая лежала подальше от масла, занесла новую запись: «Латунная музыкальная шкатулка. Исправлен держатель. Сильный эмоциональный след. Дополнительных чар не обнаружено». Последнюю строчку она перечитала и добавила: «Крышку протирать в перчатках».

Морвен подняла тетрадь и подула на чернила. Кот потянулся с подоконника, боднул переплёт снизу, и тетрадь хлопнула её по носу.

— Кот, перестань, — пробурчала она. — Вот ты приставала.

К чёрной шерсти у него между ушами пристала красная нитка от шали. Морвен сняла её. Кот тут же задрал подбородок и посмотрел на неё янтарными глазами. У самого края левой радужки виднелся тонкий серебряный полумесяц. Морвен почесала его под подбородком. Когда она убрала руку, он потянулся следом и тёплым носом коснулся её запястья. Пришлось погладить его ещё раз. И только тогда он свернулся на шали и спрятал нос в лапах. Теперь можно было выпить чай.

Чай остыл. Морвен подцепила ложкой вишню со дна чашки — у неё всегда оставалась ягода напоследок — и положи-

ла косточку на блюдце. Из-под блюдца торчал счёт за ламповое масло; ещё один счёт обнаружился под тетрадью — этот от хозяина дома. Она разгладила оба и сунула в ящик, где хранились прочие бумаги, требовавшие оплаты. Ящик закрылся со второй попытки.

Сегодня ей предстояло ещё починить застёжку дорожного плаща и разобраться с дверным оберегом. Тот почему-то впускал в дом любого, кто приходил с пирогом. За оберег ей уже заплатили тремя банками её любимого вишнёвого варенья. За застёжку она рассчитывала получить монеты.

Над дверью звякнул колокольчик. Морвен потянулась убрать со стола чашку, но второго звонка не последовало. За окном мальчишка с корзиной поднялся на цыпочки, прочитал вывеску и побежал дальше.

В первую осень Морвен то и дело отрывалась от работы. Чуть закапает дождь, прохожие жмутся под навесом, и каждый, кто ступит на порог, тревожит колокольчик. В конце концов Морвен взялась за резец. Теперь на косяке была вторая насечка. Стоило кому-нибудь взяться за ручку с улицы, колокольчик отзывался ещё раз.

Она как раз допивала чай, когда колокольчик звякнул снова. Почти сразу за первым звонком последовал второй. Морвен подняла глаза.

Посетительница придержала дверь, прежде чем отпустить ручку. В мастерскую вошла высокая, стройная женщина лет под пятьдесят, с прямой осанкой и длинноватым лицом. У

неё были карие глаза с морщинками в углах. Под глазами залегли тени усталости. Узкий нос и слегка поджатые губы придавали ей сдержанный, собранный вид.

На ней была тёмно-синяя накидка с влажным подолом. Каштановые волосы с лёгкой сединой были аккуратно убраны в низкий узел. На руках — тонкие серые перчатки. Под мышкой она держала плоскую кожаную папку. Одежда была добротная, хотя и заметно поношенная. Новый шнур застёжки не подходил по цвету к накидке.

— Вы Морвен? — спросила она.

— Да. Проходите.

Женщина оглядела мастерскую. Её взгляд задержался на ящиках, на связках ключей над верстаком и на шкатулке с мотыльком.

Морвен встала. Рукава светлой льняной рубашки были закатаны до локтей, поверх неё был надет оливковый жилет. Он подчёркивал талию и мягкие линии фигуры; короткий кожаный фартук лежал поверх коричневых брюк, которые облегали её округлые бёдра. Она уверенно подняла тяжёлую коробку с петлями со второго стула и поставила её на пол.

— Садитесь. Только папку пока не кладите на стол. Здесь масло, — предупредила она.

Посетительница села и положила папку на колени.

— Эдит Сорель, — представилась она.

Морвен узнала фамилию. У речных доков был склад Сорелей; на его воротах ещё держалась старая резная вывеска с

деревом. В последнее время ворота чаще стояли закрытыми.

— Чем могу помочь?

— У нашей семьи есть дом за городом, — сказала Эдит. — Белый Вяз. Мы готовим его к продаже. Мне нужно, чтобы вы оценили вещи.

Эдит сняла одну перчатку, потом другую, сложила их вместе. На среднем пальце правой руки оказался широкий старый перстень. На потемневшей медной площадке был вырезан лист с длинными острыми зубцами.

— У вас уже есть предварительная опись? — спросила Морвен.

— Есть. — Эдит достала из папки несколько листов, скреплённых нитью, и свёрток из выцветшей зелёной ткани. Листы она положила на край верстака; свёрток оставила при себе. Внизу первой страницы темнела печать Палаты наследств — в красном воске отпечатался ключ, а вокруг него шли слова «Палата наследств».

— Тогда зачем вам я?

Эдит провела пальцем по краю папки. Поджатые губы чуть дрогнули, и она впервые слабо улыбнулась.

— Мой муж умер почти год назад. Всем, что связано с имуществом, сначала занимался его брат. Я хочу знать, что именно продаю. В усадьбе я бывала редко — мы не живём там уже восемь лет. Гаспар предлагает подписать бумаги и поручить ему остальное.

— Гаспар — это брат вашего мужа? — уточнила Морвен.

— Да, — ровно ответила Эдит.

Морвен кивнула и придвинула лампу к стопке бумаг. Эдит отдёрнула накидку от горячего стекла.

Печать выглядела настоящей. Количество вещей составитель указал старательно. Материал, состояние и чары оставил без внимания.

— Возможно, всё на месте, — сказала Морвен. — Но если завтра один стол заменят другим, как вы это докажете? В описи оба пройдут как «стол».

— Мне сказали, что вы проверяете такие описи.

— Кто же был так добр?

— Одна из покупательниц на аукционе Палаты. Вы остановили продажу браслетов.

Морвен перестала читать дальше.

Три года прошло, а Морвен всё ещё помнила, как звякнул о стекло витрины маленький ключ. Покупательница примеряла браслет. В той же руке она держала ключ от сумочки. Продавец тихо сказал: «Отпусти». Пальцы разжались, женщина уставилась на свою раскрытую ладонь.

Морвен помогла снять браслет. Под застёжкой на серебре проступили знакомые насечки — следы чар подчинения. Бирка гласила: «Защитные». Старший оценщик уже протянул ей перо, но она положила браслет поверх заключения и попросила покупателей отойти от витрины.

— Она сказала, что браслеты были опасны, — напомнила Эдит.

— Были.

— И вы отказались подписать заключение.

— Тоже верно.

На Медном мосту снова заскрипели колёса. С верхнего этажа донёсся тихий стук: сквозняк раскачал неплотно закрытую ставню. Нужно было починить её ещё на прошлой неделе.

— Мне не нужно, чтобы вы подтверждали эту опись, — сказала Эдит. — Я хочу, чтобы вы сами поехали в Белый Вяз и всё проверили.

Морвен снова посмотрела на бумаги. Работы там могло оказаться на несколько дней. И на этот раз ей заплатят серебром. Эдит всё ещё сжимала свёрток в кулаке.

— Когда назначена продажа?

— Через шесть недель.

— До этого вещи должны оставаться на местах. Если что-то вывезут, мне понадобится отдельный список — даже того, что сочтут ненужным.

— Я распоряжусь.

— Кто-нибудь живёт в доме?

— Сторож приходит из ближайшего селения. Проверяет окна, печи. Иногда туда ездит Гаспар.

— Сохранились семейные обереги? Запертые шкафы, защищённые комнаты, вещи с особыми условиями?

— Обереги есть. — Эдит нахмурилась. — Муж всегда просил их не трогать. Большинство ещё от его отца осталось.

Она потёрла перстень большим пальцем. Морвен взяла чистый лист.

— Начну с первого осмотра. Пять серебряных в день. Половину платы за первый день возьму вперёд. Дорога считается. Если найдутся вещи, требующие работы с чарами, оговорим отдельно.

— А если вы ничего не найдёте?

— Тогда в заключении будет сказано, что я ничего не обнаружила.

Эдит неожиданно усмехнулась.

Морвен записала условия, поставила дату и протянула ей лист. Эдит прочла его до конца и только тогда взяла перо. Морвен это понравилось.

Морвен убрала с края стола пузырёк масла, сложила щипцы, отодвинула чашку и увидела масляное пятно на пальце перчатки — пришлось вытереть его тряпицей.

— Чай будете? — спросила она.

— Если не затруднит.

Чайник был холоден.

— Придётся подождать, — сказала Морвен.

— Ничего, — ответила Эдит. — Я сегодня никуда не тороплюсь.

Морвен долила в чайник воды, поставила его на маленькую печь, поправила заслонку и вернулась к верстаку.

Эдит уже подписала лист. Под подписью расплылось чернильное пятно. Она промокнула его салфеткой и аккуратно

загнула испачканный угол. Получив задаток, Морвен выдала копию условий и расписку. Монеты уложила в ящик, который в этот раз закрылся без шума.

— Утром выйду через Восточные ворота, — сказала она. — Если дорога не размокла, к полудню буду в усадьбе.

— Я предупрежу Гаспара.

— И сторожа. Не хочется начинать знакомство с объяснения, почему я лезу через ограду, — добавила Морвен.

— Не придётся.

Эдит положила зелёный свёрток на стол и развязала узел. Внутри оказались три ключа.

Большой железный, почти чёрный, с круглым ушком. Другой — длинный и узкий, с неровными зубцами. Третий, маленький латунный, лежал отдельно в складке ткани. К железным ушкам были привязаны пожелтевшие тесёмки.

— Главная дверь, боковая и садовая калитка, — сказала Эдит, указывая по очереди. — Оставьте их у себя. У Гаспара есть свои.

Морвен взяла большой железный ключ. На стержне светлела вытертая полоска.

— Замок заедает? — спросила Морвен.

— Не знаю. Сама я открывала эту дверь всего несколько раз, и то давно.

Морвен расстелила чистую тряпицу и сняла правую перчатку. Придерживая ключ левой рукой, она провела пальцем по вытертому месту.

Лампа внезапно засветила слишком ярко. Костяшки заломило от холода, будто Морвен долго держала ключ под ледяным дождём. Пальцы свело, ноготь скользнул по металлу.

На миг перед ней возникла тёмная деревянная дверь, совсем близко. Морвен услышала голос.

— Мама, это я.

Молодой женский голос, срывающийся на последнем слове. Морвен разжала пальцы — ключ тихо упал на тряпицу, пламя лампы закачалось. Эдит ухватила лампу за основание.

— Вы обожглись? — испуганно спросила Эдит.

Морвен посмотрела на руку: кожа сухая, ногти чистые. Боль в пальцах отступала.

— Нет, — ответила она, и на печи зашипел чайник.

— Что-то с ключом? — спросила Эдит.

Морвен вновь надела перчатку, открыла тетрадь и аккуратно записала: «Железный ключ. Холод. Дверь. Женский голос». Потом дописала слова, которые услышала. Эдит наблюдала за её почерком.

— На нём остался сильный след.

— Опасный?

— Сам по себе — нет.

— Вы видели что-то ещё? — спросила женщина.

— Немного. Это напоминает воспоминание — обычно остаётся один звук или чувство, иногда обрывок видения. Прежнего владельца или того, для кого вещь была важна.

В мастерской было тепло, но Морвен всё ещё хотелось

растереть пальцы.

Она не знала, сколько лет этому следу. Сильные переживания держались долго. Человек мог плакать над ключом вчера или задолго до того, как Морвен родилась.

Остальные вещи нужно было проверить в самом доме.

Морвен подвинула к себе копию описи.

— Можно ещё один вопрос? — спросила она, закрывая тетрадь.

— Конечно.

— У вас есть дочь? Она могла брать этот ключ?

Эдит посмотрела на неё с лёгким недоумением.

— У меня один ребёнок, — сказала она. — Сын.

Глава 2

Морвен вышла из Восточных ворот в восемь утра и к полудню добралась до Белого Вяза. Глина на сапогах успела подсохнуть и отваливалась кусками. Ещё в начале пути в левом сапоге что-то перекатилось под пятку. За четыре часа ходьбы она так её натёрла, что теперь хотелось только сесть, стянуть сапог и вытряхнуть то, что туда попало. Но по ту сторону ограды её уже ждали.

Сторож поднялся со скамьи. Ему было на вид лет шестьдесят. Пока он возился с щеколдой, рукав выцветшей куртки сполз ему на пальцы. Сторож одёрнул его и кивнул Морвен в знак приветствия. Сначала он посмотрел на сумку с инструментами, потом на саму Морвен.

— Вы от госпожи Сорель?

Она показала ему свой экземпляр договора. Сторож взял лист, поднёс его к свету и отыскал внизу имя хозяйки.

— Всё как она писала. Калитку я вам открыл. Входную дверь сами отопрёте?

— Если мне дали нужные ключи.

— Большой железный как раз от главной двери. Но она с весны заедает. Как повернёте, потяните сперва на себя.

Дорожка огибала старый вяз. Одна толстая ветвь лежала на деревянной подпорке. Под ней легко прошла бы повозка, и в двух местах на коре виднелись зажившие ободранные по-

лосы. За деревом открылся дом с широким крыльцом. Серые ставни были распахнуты. В стёклах отражалось пасмурное небо.

— Я буду за домом, — сказал сторож.

— На кухне оставил вам кувшин с водой. Утром набрал.

На верхней ступени Морвен достала большой железный ключ. Поднесла к замку и нахмурилась. Эту тёмную деревянную дверь она уже видела. Накануне в мастерской дерево на миг оказалось так же близко к её лицу.

Морвен вспомнила, как вчера коснулась ключа. В памяти снова прозвучало: «Мама, это я». Она поправила перчатку и повернула ключ. Он прошёл туго. Она потянула дверь на себя, как советовал сторож, и только потом толкнула. Петли тихо скрипнули. В прихожей пахло печной золой и спелыми яблоками.

На подоконнике лежала одна сморщенная антоновка. Морвен прошла мимо, остановилась у скамьи и наконец вытряхнула из сапога камешек. Совсем крохотный. Она с некоторой обидой на него посмотрела.

В столовой света хватало, чтобы писать без лампы. Здесь она и решила начать. На овальном столе, с которого убрали скатерть, хорошо различались стыки досок. Возле одного стула дерево было изрезано мелкими дугами. Кто-то годами поддевал ногтем одну и ту же щербинку.

Морвен разложила тетрадь, карандаш и опись Палаты. Прежний оценщик отвёл столу с шестью стульями, буфету

и всей посуде одну строку. «Мебель и предметы обихода». Ей предстояло исписать по меньшей мере два листа, прежде чем она доберётся до слова «обихода».

Буфет был хороший, ореховый. Дверцы за столько лет почти не повело. Морвен приподняла дверцу за ручку. Петли держались крепко. Она сделала пометку в тетради. На верхней полке лежали блюда. Между ними кто-то заботливо уложил лоскуты старого полотна. На средней стояли шесть чашек с зелёной каймой.

Седьмая чашка стояла чуть в стороне. Она была такой маленькой, что едва доставала остальным до середины. Морвен сперва решила, что её просто отставили, когда убирали посуду. Потом заметила, как аккуратно её поставили у самого края полки, откуда легче всего взять. У шести больших чашек ручки смотрели вправо. У этой — влево.

На краю недоставало кусочка глазури. От самого скола сбегал тонкий синий стебелёк. Морвен наклонилась, пытаясь разглядеть, что нарисовано за ручкой, потом взяла чашку за донышко и поднесла к окну.

Цветы оказались совсем крохотными. Кончики лепестков сворачивались в колечки, и только один цветок раскрылся так широко, что внутри поместились три тычинки цвета мёда. Морвен медленно повернула чашку. Она знала здешние колокольчики, лён, мелкие голубые цветы с обочин Верескового тракта. Таких ей видеть не доводилось. Больше всего ей понравилось, что на одном стебле художнику не хватило

места и он пустил последний лист прямо по ручке.

Скол был старый. Место излома успело потемнеть, острый уголок кто-то старательно загладил. Значит, чашку берегли и после того, как от неё откололся кусочек.

Она поставила её на стол. Через ручку с трудом проходил даже мизинец в перчатке.

Морвен сняла перчатку и осторожно взялась за ручку. На одно короткое мгновение ей показалось, что пальцы у неё гораздо меньше. По столу скребнула ложка. Совсем рядом девочка вполголоса произнесла:

— Только до цветочка.

Морвен отпустила ручку. За окном сторож тащил по гравию тяжёлую ветку. Девочку она не увидела. Не поняла даже, о чём та просила. Но, когда снова взглянула на чашку, заметила под самым ободком, с внутренней стороны, одинокий синий цветок. Будь у неё самой в детстве такая чашка, она бы тоже знала, до какого места просить молока.

В тетради Морвен записала слова девочки: «Только до цветочка». Ни молока, ни возраста ребёнка в запись не внесла. Ни в том ни в другом она не могла быть уверена. Ниже указала размеры, цвет росписи и скол. Морвен поставила чашку на прежнее место и повернула ручкой к столу, чтобы зарисовать узор.

Следующий час ушёл на блюда и тарелки. Морвен успела осмотреть каждую с обеих сторон и срисовать с донышек знаки гончаров. Когда она закончила, тень от раскрытой

дверцы буфета уже легла поперёк тетради. Морвен отнесла бумаги к другому концу стола. Подняв глаза от тетради, она заметила между окнами семейный портрет.

Эдит она узнала сразу, хотя волосы у той были ещё совсем тёмные. Женщина сидела, положив руку на спинку детского стула. За ней стоял мужчина в тёмном камзоле. Рукава у запястий были отделаны узкими полосками бархата. Мальчик у его колена так крепко сжимал игрушечную лошадку, что художник выписал розовые пятна на костяшках. А кого усадили на стул под рукой Эдит, из-за блика Морвен не разглядела.

Она шагнула в сторону. Блик скользнул вправо. Светлое пятно на месте лица осталось.

Морвен отставила стул, на который чуть было не наступила, и подошла ближе. На девочке было голубовато-серое платье. Из-под юбки выглядывал кончик башмачка. Можно было различить маленькое ухо и прядку у шеи. От виска до самого подбородка проступал бледный грунт с несколькими тонкими царапинами. У левого края царапина захватила и мизинец Эдит, лежавший на спинке стула.

В сумке нашлась лупа. Под стеклом стало видно, что по краям царапин старый лак приподнят мелкими чешуйками. Холст растрескался давно, а инструмент прошёл уже поверх этих трещин. Тот, кто снимал краску, держал руку довольно твёрдо. Лезвие остановилось у подбородка. Белый воротничок под ним был цел.

Морвен вдруг вспомнила, с каким недоумением вчера посмотрела на неё Эдит. В том взгляде не было ни досады, ни желания поскорее сменить тему. Морвен вспомнила её ответ, произнесённый почти буднично: «У меня один ребёнок». И после короткой паузы: «Сын».

Можно было вернуться в город, описать женщине портрет и спросить, кто сидел на стуле. Только что она предъявит ей в ответ на самый естественный вопрос? На семейных портретах писали и племянниц, и крестниц. За чужим столом тоже порой пили из собственной любимой чашки.

Она зарисовала повреждение. Особо отметила царапину, задевшую руку Эдит. Потом выпила воды из кувшина, съела у кухонного окна кусок хлеба с сыром и дала глазам отдохнуть.

Сторож к тому времени утащил ветку. Под окном на гравии осталась длинная полоса. Смотреть на неё было легче, чем в который раз пытаться представить себе стёртое лицо.

После обеда Морвен занялась ящиками буфета. В первом нашлись льняные салфетки, во втором — кольца к ним и три разномастных щипчика для сахара. Третий был набит простыми вещами, которые никто в здравом уме не понёс бы на аукцион. Клубок бечёвки. Сломанная застёжка. Горсть свечных огарков в коробке из-под леденцов. На самом дне лежали сложенные вдвое листки. Верхний прилип к дереву восковым пятном, остальные она без труда вынула.

Это были детские рисунки. Первый лист Морвен едва

не отложила как чистый. В самом уголке желтело крошечное солнышко с пятью лучами. Весь остальной лист ребёнок оставил пустым. На одном над садовой стеной торчали длинные уши. На другом осла пытались втиснуть в хлев. Морда и хвост поместились, а на ноги бумаги уже не хватило. Морвен невольно улыбнулась и перевернула листок.

На следующем был стол. Ребёнку никак не удавалось решить, откуда он на него смотрит. Стулья стояли ножками к нижнему краю листа, зато тарелки были круглыми, как если бы висели над столом. За одним стулом виднелась высокая женщина. Перед ней ребёнок нарисовал огромный кувшин, а под носиком кувшина — маленькую чашку с синей загогулиной на ручке.

Морвен подняла голову. Теперь ручка чашки была повёрнута к ней. На рисунке синий завиток пришёлся как раз на то место, где художник пустил по ручке последний лист.

Она развернула листок до конца. Внизу осталось несколько букв, выведенных карандашом. Кто-то потёр их так усердно, что поверхность бумаги распушилась. Морвен повернула лист к окну. В прямом свете пятно сделалось почти белым. Тогда она опустила руку ниже, до самого подоконника, и дала свету лечь вдоль бумаги.

От карандаша остались бороздки. Хорошо знакомая вещь: дети пишут с таким нажимом, будто каждую букву нужно вырезать. У первой буквы одна ножка заметно уехала вбок. У средней под строкой сохранились два коротких

хвостика. Последняя была маленькая, круглая, с длинным крючком.

Ада.

Морвен прочла ещё раз, заслонив ладонью отсвет от стекла. Те же три буквы. Она положила рисунок на чистый лист и переписала имя в тетрадь. Рука потянулась добавить фамилию. Морвен вовремя остановилась. Фамилию ей подсказал дом. На бумаге стояло только имя.

Она вернулась к портрету с рисунком в руках. Девочка на детском стуле могла оказаться Адой. Может, и голос, который она услышала вчера, взяв ключ, принадлежал уже подросшей Аде. А когда написан портрет? Морвен ещё даже не знала года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.